

18+

**ТА
НА
РА**

**ВИКТОР
УЛИН**

ГЛОТОК НЕРЕАЛЬНОЙ ЛЮБВИ

Виктор Улин

Танара. Глоток нереальной любви

«Издательские решения»

Улин В.

Танара. Глоток нереальной любви / В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606025-8

Жизнь российского этнического немца, прирожденного летчика Валерия Грейфера началась удачно. Но потом по не зависящим от него причинам все покатило вниз — как в профессиональном, так и в семейном плане. Всего на миг озаряет его надеждой перемен случайно вспыхнувшая страсть к маленькой женщине-турчанке. Но увы, это уже ничего не может изменить.

ISBN 978-5-00-606025-8

© Улин В.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	8
3	9
Часть вторая	12
1	12
2	14
3	16
4	17
5	24
6	25
7	26
8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Танара Глоток нереальной любви

Виктор Улин

*Валерию Роньшину,
моему литературному брату*

Дизайнер обложки Виктор Улин
Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023
© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023
© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-6025-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится,
кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои».*

(Еккл. 1:6)

Часть первая

1

В черноте ночи, выделяясь среди неярких июльских звезд, возник пульсирующий огонь проблескового маяка. Через несколько секунд вспышки раздвоились и стали мигать то сверху, то снизу; между ними, слегка желтоватые, проявились огни посадочных фар.

«Як-42»? – машинально подумал Грейфер, отметив люминесцентно белый цвет проблеска. На всех остальных российских самолетах до сих пор стояли красные... И тут же одернул себя – какой, к дьяволу, «Як-42» в Турции? «Боинг три семерки», или аэробус, или какой-нибудь «Дуглас»... Он невесело усмехнулся, вдруг осознав, насколько отстал от прежней жизни, если уже не имеет понятия о цвете проблесковых огней современных зарубежных самолетов.

А ведь раньше...

Раньше было раньше, – остановил себя он. – И больше никогда не будет. Надо смириться. И жить сегодняшним днем. Вчерашним нельзя. Потому что жизнь прошлым есть медленное погружение в болото отчаяния. А сегодня еще можно порадоваться... Хотя бы чему-нибудь

Словно подтверждая его мысли, с территории соседнего отеля взметнулись в небо красные и зеленые искры салюта. Без всякой причины: просто как констатация вечно царящего праздника. Похоже, здесь это было привычно.

Самолет полого набрал высоту. Развернулся, показав цепочку слабо освещенных иллюминаторов, и продолжая левый разворот, ушел еще выше. Выше и дальше, устремляясь по ему лишь ведомой трассе вглубь материка.

А над Средиземным морем продолжали лопаться веселые ракеты.

Черт побери, – внезапно пришло ему на ум. – В нормальной стране нормальный человек может жить именно как самолет. Часть жизни разгоняясь и набирая высоту, а потом имея возможность протянуть – говоря летным языком – на аэродинамическом качестве. То есть полого планируя; спускаясь настолько медленно, что хватит на остаток отпущенных дней. А в России жизнь подобна ракете: можно подняться сколь угодно высоко, но только пока работает двигатель. Потом все равно остается лишь падать. И чем выше подъем, тем отчаяннее падение.

Самолет растворился в ночи. Но над невидимой Анталей возникли проблески следующего. Здешнее воздушное движение было невероятно насыщенным.

Салют продолжался; к нему присоединились далекие отзвуки дискотеки, устроенной турками специально для русских постояльцев.

*«...На недельку!
До второго!!
Я уеду!!!
В Комарово!!!!...»*

Вероятно, подвыпившие соотечественники лихо отплясывали под это двадцатипятилетнее, но до сих пор живое ретро.

На выдающемся в море пирсе, оснащенном лестницами для комфортного спуска в воду, горели желтые огни. Аккуратно и ровно, по всему периметру. Напоминая размеченную вертолетную площадку с рулежной дорожкой от берега.

Какие-то люди, смеясь и невнятно переговариваясь, гулко прошли по дощатому настилу. Потом спустились и шумно бросились в черную морскую воду. Плавали и брызгались, и хохотали, наслаждаясь ночью, чистым остывающим воздухом, теплым морем и своим бытием.

И лишь он казался себе чужим на этом празднике жизни.

Остап Бендер, обронив в прошлом веке одну из коронных фраз, горькой правдой поразил в самое сердце.

Он встал с чуть влажного шезлонга и пошел к отелю. Упругой и пока еще легкой походкой.

Бывший майор ВВС.

Бывший гражданский летчик.

Бывший абсолютно счастливый человек.

А ныне никому не нужный и не интересный даже самому себе, нигде не работающий сорокапятiletний россиянин Валерий Оттович Грейфер...

2

Цепочка бассейнов струила в ночь нежное перламутрово-голубое сияние. Выставив желтую предупредительную табличку о том, что пол скользкий, турок в красной куртке мыл керамогранит шампунем из специального пылесоса. Аккуратно сложенные желтые зонтики спали до утра над белыми лежаками. Из открытого бара доносилась мелодичная музыка. Свободных столиков не имелось. Люди отдыхали на полную катушку.

На двери отеля было нанесено название: «*Pleasure*» в обрамлении разноцветных ракушек.

Грейфер немного знал английский и пробыв тут всего несколько часов, уже понял, что здесь в самом деле все создано для удовольствия. Причем не просто удовольствия, а Удовольствия, возведенного в ранг смысла жизни. Хотя бы на неделю.

Он почувствовал, как расслабляющая атмосфера начинает действовать и на него. И вопреки всему, мрачное настроение рассасывается.

Двери бесшумно разъехались, впуская в душистый кондиционированный рай. Не ожидая лифта, по скользкой – тоже вымытой шампунем – лестнице Грейфер поднялся на следующий этаж и, миновав стойку администрации, прошел в бар. Около него сиял зеленым камнем мощный портал туалета. В тамбуре, откуда разветвлялись проходы, стояла красная искусственная роза в человеческий рост.

За барной стойкой возвышался красивый турок средних лет с невероятно выразительными глазами скорбящего ангела.

Решив попробовать все, Грейфер заказал турецкую ракию. И тут же пожалел: несмотря на приемлемую крепость, водка имела такой чудовищный вкус аниса, что его едва не стошнило. Чтоб смыть ужасную вонь, он взял порцию обычной водки. Она ни чем не пахла, но оказалась слабой: то ли чрезмерно разведенной, то изначально некачественной. Он выпил джина. Запах оказался настоящим и приятным; крепость же отсутствовала начисто.

Грейфер оглядел ряды бутылок в поисках чего-нибудь еще, дозволенного по системе «*все включено*».

Оставался лишь бренди. Тоже турецкого производства.

Он попросил, сделал глоток и понял, что это лучший из напитков. По вкусу и аромату этот напиток напоминал оставшийся в юности болгарский коньяк «*Слънчев бряг*».

Который продавался когда-то в темно-зеленых пузатых бутылках и практически даром – рублей за семь, не больше...

Быстро выпив, он протянул бармену пустой стакан. Признав знатока и неожиданно улыбнувшись, суровый турок налил до краев.

Грейфер опустился в уютное кресло у стеклянной стены.

Неподалеку галдела компания сильно подвыпившей молодежи.

Которые говорили как будто по-немецки, однако Грейфер, не до конца забывший родной язык, не мог разобрать ни единого слова.

Он сидел за низким столиком, блаженно потягивая бренди из тяжелого стакана. Хмель медленно разливался по телу, наполняя душу легкостью и вымывая из головы лишние мысли.

Внизу, под высоким стеклянным окном, в бассейне обнимались два в дымину пьяных, очевидно русских мужика.

Удовольствие царило во всем.

3

Вынув из кармана брюк магнитную прокси-карту, Грейфер не с первой попытки правильно вставил ее в электронный блок замка.

Хоть и слабоватый, но турецкий бренди все-таки на него подействовал, и он чувствовал себя гораздо более пьяным, нежели рассчитывал. Наконец он нашел нужное положение, и над дверной ручкой призывно мигнул зеленый светодиод.

Войдя в номер, Грейфер по красному глазку нашел узел управления энергосистемой и переставил карту туда. Сразу загудел кондиционер, Грейфер закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

Он был уже в собственном оазисе удовольствия.

Включив везде свет, он осмотрел свои временные владения.

В былые времена, совершая дальние рейсы, ему приходилось ночевать в гостиницах разных городов. Правда, служебных и потому довольно убогих. И лишь в кино он видел сказочные заграничные отели. Но чтобы оказаться самому в таком кусочке рукотворного рая – об этом он прежде даже не мечтал.

На кровати одноместного номера можно было спать втроем. Пол устилало мягкое ворсистое покрытие небесного цвета с редкими желтыми звездами. На огромном трюмо с зеркалом в полстены стоял телевизор; внизу тихо урчал холодильник. По стенам сияли бра. Торшер бросал из своего угла мягкое пятно света на потолок. На прикроватной тумбочке ждал телефон. Стена, противоположная двери, была полностью задрапирована серовато-голубыми шторами. Грейфер понял, что это не стена, а сплошное окно от пола до потолка. Тяжелая дверь с двойным стеклопакетом невесомо сдвинулась, и он вышел на балкон. Стол и кресло призывали с полностью домашним комфортом выпить бренди. Только следовало им запастись...

Балкон выходил на сосны, окружавшие отель с суши. За ними шумела прибрежная трасса, а выше, уходя черт знает как высоко и, сливаясь с черным небом, поднимались горы. Судя по всему, тоже заросшие соснами. Он нагретого за день камня тек такой осязаемый жар, что Грейфер вернулся в номер и задвинул раму.

Тут же снова заработал кондиционер, выключившийся автоматически, едва он дал приток горячему забортному воздуху. Видимо, где-то прятался концевой выключатель, нечто вроде датчика положения шасси или закрылка.

Чудеса техники на земле, – блаженно подумал Грейфер.

И наконец заглянул в туалет.

Эта часть номера сразила наповал.

Турецкий санузел был не просто шикарным. Он сиял так, что не мыслился рукотворным, для человеческих рук и иных частей тела предназначенным. Туалет казался божественным, эфирным созданием, в котором не могло найтись места обычному смертному. Он напоминал нечто вроде забытого теперь валютного магазина «Березка», вершины жизненных помыслов советского человека середины семидесятых годов.

Серые плитки на полу лежали ровно, подогнанные лучше, чем на правительственной ВПП. Кафель стен, неброского кофейного цвета, навевал мысли о чем-то далеком и вечном. Никелированные части современной сантехники, в которой Грейферу еще только предстояло разобраться, сияли, как полированная обшивка сверхзвукового истребителя. А унитаза...

Унитаз был уж точно неземным.

Непорочно девственной формой своей он мучительно звал к себе.

А белизной мог сравниться лишь с юной узницей гарема, все двадцать лет проведенной в парандже и никогда не видевшей солнечного света. И вдруг сверкнувшей ослепляющей наготой в момент уединенного купания... или чего-нибудь еще.

Кругом громоздились всяческие приспособления для мытья, стакан для зубной щетки казался высеченным из натурального хрусталя. А в настенном держателе ждал красный, как огнетушитель, фен для сушки волос.

И полотенца... У Грейфера разбежались глаза.

Одно желтое – большое и тонкое – висело на дверном крючке. Второе, нереально белое, покоилось в кольце на мраморной облицовке, куда была утоплена раковина – столь же девственная, как и унитаз. Третье, самое большое и толстое, сложенное в несколько раз, лежало на никелированной решетке. И четвертое, чье предназначение пояснялось махровым рисунком ступни, просто висело на бортике ванной.

Зажигая все это огнем, многократно отраженным, прыгающим от стены к стене и усиленным огромным зеркалом, горели три ярчайших светильника.

Грейфер ощутил неодолимое желание остаться тут. Сесть на унитаз, блаженно закрыть глаза и всю неделю провести в этом душистом раю.

Раздевшись и приняв прохладный душ, Грейфер все-таки прошел в комнату.

Снял с постели покрывало, под которым оказалось еще и одеяло, не нужное в таком климате.

Вынув, Грейфер тщательно свернул его и с немецкой аккуратностью спрятал в стенной шкаф. Он любил комфорт для глаз и никогда не разбрасывал вещей даже в кратковременном пристанище.

Растянувшись на прохладной кровати, он укрылся пустым пододеяльником. В этом тоже не было необходимости, но он просто не привык спать голым. Включив прикроватный свет, Грейфер достал книгу.

Свою самую любимую – Горьковскую «Жизнь Клим Самгина», прихваченную из необъятной библиотеки тещи-литераторши.

Он очень любил эту книгу. За размеренное, неспешное повествование. За обилие действующих лиц и невероятную точность воспроизведения деталей ушедших эпох. Главный герой даже не особо волновал – читая «Самгина», Грейфер всякий раз пропускал сквозь себя само время.

И еще имелось в романе одно место, за которое Горькому можно было простить все прегрешения, включая «Песню о буревестнике» и даже «Девушку и смерть».

В словах проходного персонажа звучала абсолютная истина:

«жители там – башикирьё, дикари, народ негодный, нерабочий, сорьё на земле».

Все это некоторым краем задевало его собственную жизнь, вернее ее невеселые перипетии, и Грейфер постоянно перечитывал коротенький диалог – хотя уже выучил его наизусть. Перечитывал настолько часто, что взятая в руки, книга автоматически раскрылась точно на этом месте.

С наслаждением прочитав про дикарей, Грейфер открыл первую страницу. Он мог сколько угодно раз поглощать любимую книгу с самого начала, и это никогда на надоедало.

Постепенно проходил хмель, голова прояснялась, а веки делались тяжелыми.

Хотелось спать, но Грейфер специально оттягивал сладкий момент, заставляя себя подержаться на границе еще несколько секунд.

Он знал, что сегодня уснет просто так.

Не понадобится снотворного, без которого в последние годы он уже не мог засыпать. Что пришло как результат многолетней работы: профессиональное расстройство сна, связанное с быстрой сменой часовых поясов и необходимостью ночных бдений.

Правда, большинство летчиков реагировали обратным образом: могли уснуть в любое время. У Грейфера возникла нехарактерная ситуация: он спать перестал вообще.

Но сейчас, на этой чужой, лишенной проблем земле, он чувствовал, как сон обволакивает сам по себе.

Тем более, что для ухода из реальности осталось сделать всего два движения: положить книгу на тумбочку и выключить бра.

Наконец Грейфер так и сделал.

И почти тут же заверещал сотовый телефон.

Уже засыпая, он не сразу локализовал источник неприятного звука. Он вообще забыл про существование мобильного, сунул его в сумку с вещами и не брал с собой на прогулку. И, вероятно, ему уже звонили, пока он наблюдал взлетающие самолеты, пил бренди и наслаждался красотами ночного берега.

Чувствуя, как отчаянно противится все существо, Грейфер встал, по звуку выудил проклятую вещицу. На дисплее злобно мигал его домашний номер.

Звонила жена.

Или теща.

Что, в сущности, мало отличалось друг от друга.

Ощутив мгновенный обвал всего мягкого, успокаивающего, убаюкивающего, что успело появиться в душе, Грейфер почти с ненавистью откинул микрофонную крышечку.

Часть вторая

1

Он родился жарким летом одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года в городке Акмолинске – которому лишь через три года предстояло сделаться Целиноградом – в большой и дружной семье обрусевших немцев.

Вообще-то его фамилия должна была писаться согласно звучанию – «ГрАйффер». Но чиновник, выдававший кому-то из предков первый паспорт, просто переписал ее с немецкого на русский буква в букву. Так все они стали именоваться Грейферами.

Грейфер не знал своих корней: были ли его прадеды ссыльными поволжскими немцами, или мигрировавшими на восток полусвободными потомками припущенников Екатерины, заселявшими очищенные от пугачевщины земли – или просто исконно казахстанскими немцами. Хотя сам он понятия не имел, когда и каким образом появились немцы в Казахстане, поскольку это его не интересовало ни в малейшей степени, равно как история собственной семьи.

Его вообще ничто не интересовало в жизни.

Ничто, кроме одной вещи, ради которой стоило жить нормальному человеку: авиации.

Нет, конечно, наверняка он увлекался чем-то в раннем детстве: какими-нибудь кроликами или почтовыми марками. Но сам себя он ощущал человеком с точки великого перелома, случившегося в его биографии.

Когда в возрасте неполных девяти лет его прокатил на старом, как мир, «По-2» веселый русский летчик дядя Шура – сельхозавиатор, травивший ядохимикатами просторы целинных полей.

Грейфер прекрасно помнил это главное открытие своей жизни. Не жутковатую радость высоты, не крошечные фигурки людей, и не узкие полосы взходов. Его переполнило ощущение полета – точнее, нахождения в самолете. Которым можно управлять, то есть лететь самому.

Конечно, управлял самолетом сидевший в передней кабине летчик, но Грейфер видел его движения и скрипучие перемещения тросов, которые в «По-2» тянулись поверх обшивки – и понимал, что самолет направляется рукой человека. Это было столь потрясающе, что он захлебывался от нахлынувшего со всех сторон счастья. И чувствовал, как само существование наполняется новым смыслом.

Вероятно, было в нем от рождения нечто, подспудно стремившееся к небу. Недаром же этот, лишь слегка знакомый с отцом дядя Шура запросто взял его покататься и даже не стал – как сделал бы любой разумный взрослый человек! – намертво привязывать к сиденью. Просто посадил в заднюю кабину, надел ремни, укоротив их до предела, и велел сидеть, держась за железные части, и не высовываться наружу.

Этот полет решил всю его оставшуюся жизнь.

Что казалось весьма странным с точки зрения родственников: среди Грейферов никогда не имелось тяги к технике. Семья была естественнонаучной и гуманитарной; сам отец Грейфера – агроном, – как истинный интеллигент, не мог вбить в стенку гвоздя, не отшибив при этом палец. И уж конечно, никто не помышлял о такой строгой и воинственной профессии, как летчик. Тем более, что даже тогда, через пятнадцать лет после смерти Сталина, семья продолжала по инерции жить в страхе прежних времен, когда все немцы находились под контролем и имели обязанность регулярно отмечаться в органах НКВД.

Маленького Грейфера это не волновало.

В девять лет он уже знал, что будет именно летчиком. Чего бы это ему ни стоило.

Он пошел в авиамодельный кружок местного дома пионеров; он упросил родителей выписать ему все журналы, касающиеся авиации; он жадно ловил все, что хоть в малой мере было связано с самолетами.

Он бы записался и в аэроклуб, но на беду в городе не имелось даже популярной в те годы парашютной вышки.

Но тем не менее, с головой уйдя в страсть – которой умные, но недалёковидные в своей интеллигентской зашоренности родители прочили не более полугода – Грейфер не забросил школу.

Он знал, что будет поступать в военное летное училище, и слыша от отца и матери, что в СССР нельзя рассчитывать на нормальное отношение к немцам, приказал себе сделаться круглым отличником, чтобы иметь хороший аттестат и облегчить поступление. Это была его первая настоящая задача.

Впоследствии упорство в достижении цели стало одним из главных его качеств.

Валерий Грейфер окончил среднюю школу не просто отлично, а с золотой медалью – пропуском в любое учебное заведение.

Классный руководитель настойчиво рекомендовал ему идти в университет, учиться на математика или физика, чтобы владеть авиацией на самой высокой ступени. Быть не летчиком, а конструктором самолетов.

Но Валерия это не привлекало. Целью его жизни виделся живой штурвал в руках.

Вообще говоря, с рождения он был вовсе не Валерием, а Вильгельмом.

Вильгельм Оттович Грейфер – такое сочетание казалось исключительно благозвучным его родителям, бабкам, дедкам, дядьям и теткам: семья чтит традиции несуществующе далекого Фатерлянда; дома бытовал даже не русифицированный диалект, а чистый немецкий язык. Который Грейфер забыл, уехав в центральную Россию и стопроцентно обрусев.

Пока он оставался маленьким, имя Вилли не смущало – точнее, было безразличным. Но когда пришла пора получать паспорт, маленький Грейфер вдруг потребовал, чтобы его записали Валерием. Не с потолка – а в честь великого русского летчика Валерия Чкалова, чей портрет он давно повесил над своим столом, мечтая во всем походить на кумира. Хотя именно во всем не мог чисто физически, обладая солидным ростом.

Родители умоляли его не ломать родовые традиции, ссылаясь на какого-то достославного прадедушку Вильгельма. А также на Вильгельма Завоевателя, Вильгельма Телля, Вильгельма Пика и еще множество всяческих Вильгельмов, прославивших истинно немецкое имя. Скрепя сердце, отец даже обещал купить сыну бензиновое чудовище – мотоцикл – лишь бы тот не выпадал из семейного круга.

Но Грейфера интересовал не мотоцикл, а самолет, которым должен был управлять Валерий.

И он отвечал, что и так дает поблажку, сохраняя инициалы: он ведь мог бы запросто взять имя Михаила Водопьянова, Николая Каманина, Александра Покрышкина, Ивана Кожедуба – и даже Султана Амет-Хана; любого из множества прославленных летчиков.

Сопrotивление немецкой традиции было сломлено, и в школьных выпускных документах Грейфер числился Валерием.

Все шло по плану.

В отличие от одноклассников, смятенных в выборе пути или строящих фантастические планы, Грейфер твердо знал, что ждет впереди.

Удачная и счастливая жизнь.

2

Первый удар судьба нанесла еще до официального окончания школы – на комиссии в военкомате, куда он записался, чтоб гарантированно получить направление в военное училище летчиков.

Как любой прирожденный летчик, Грейфер хотел стать истребителем. По его мнению, лишь эта специальность вбирала в себя многообразие смысла жизни, связанной с авиацией.

Он не прошел по росту: как ему объяснили, кабины истребителей отличались крайней теснотой. Впрочем, возможно, это служило отговоркой, а истинной причиной отказа являлась его немецкая фамилия.

Во всяком случае, с его данными предложили два пути: гражданскую авиацию или бомбардировочную. Существовала еще и военно-транспортная, но она его не интересовала – равно как и гражданская. Трезво оценив шансы и смирившись, Грейфер согласился стать бомбардировщиком.

Он спокойно расстался с семьей и уехал далеко вглубь России: без сожаления покидал он родной Казахстан; унылая среда агрономов, ветеринаров и школьных учителей была не для него. Да и настоящих друзей он в Целинограде не нашёл: все занимала авиация, не оставляя времени на бесполезное школьное общение.

И так сложилось, что потом он приезжал домой всего пару раз. На первых курсах училища, в положенные недели отпуска. Даже женившись – вопреки воле родителей, на русской девушке – он не съездил показать невестку.

Учился Грейфер с наслаждением. Теоретические предметы давались легко, ведь в школе он по праву считался одним из лучших математиков, а практика... Полеты для него были не учебой, а обретением новой жизни.

Училище он закончил, как и школу – с золотой медалью.

На последнем курсе женился. Встретившись со своей избранницей случайно, как знакомятся в чужом городе студенты, лишившиеся прежней среды обитания.

Она училась в химико-технологическом институте, приехав откуда-то с Урала, на три курса младше него. Ее звали Таисия, однако упертый в авиацию Грейфер не испугался старомодного имени. Поскольку никакой страсти в их отношениях не имелось – вероятно, Грейфер был не способен испытывать страсть к чему бы то ни было, кроме самолета – а женитьба обуславливалась необходимостью молодого лейтенанта устроить семейную жизнь. Поэтому после простой комсомольской свадьбы они расстались. Грейфер убыл по назначению в бомбардировочный авиаполк, а Таисия осталась доучиваться. Это не казалось ненормальным.

Тем более, что служить Грейферу предстояло в не самом приятном месте. Его, золотого медалиста, и лучшего летчика выпуска, отправили в медвежий угол – на север, в забытую Богом и людьми болотную глушь.

В полк, само существование которого казалось странным, поскольку укомплектован он был не современными самолетами. И даже не старыми, но боеспособными «*Ту-шестнадцатыми*». Летать предстояло на практически снятых с вооружения фронтовых бомбардировщиках «*Ил-28*». Очень хороших для своего времени, но сейчас своим прямым крылом напоминающих, что архаичный прототип поднялся в воздух за двенадцать лет до рождения Грейфера.

Еще при жизни Сталина – в давно умершей эпохе.

Возможно, в несправедливом назначении проявилось истинное недоверие к немцу. И ему стоило подать рапорт министру обороны или главнокомандующему ВВС, и решение училищной комиссии было бы пересмотрено.

Но Грейфер никогда не умел добиваться чего-то для себя. Единственным способом он считал мастерство. Ему в голову не приходило, что судьбами летчиков двигают иные силы...

Впрочем, самолеты находились в хорошем состоянии; а Грейферу было все равно, на чем летать. Для себя он решил рассматривать этот этап как подготовительный.

Ведь, по правде говоря, он мечтал попасть в место, от которого нормальные люди открепивались правдами и неправдами: в Афганистан, где шла война и можно было стать не просто пилотом в погонах, а настоящим боевым летчиком. Однако этот шанс отпадал сразу: там действовали невысотные штурмовики да вертолеты; бомбардировщики не использовались.

И он стал командиром «Ил-28».

3

Летал Грейфер великолепно.

Он оказался не просто летчиком, а Летчиком от бога: не управлял машиной, а полностью растворялся в ней своим существом. Банальные строки о руках-крыльях и моторе вместо сердца точно подходили к его случаю.

Грейфер воспринимал машину как продолжение самого себя и предугадывал малейшие нюансы ее поведения прежде, чем на них указывали приборы.

Ему, конечно, страшно не повезло со временем жизни: родился лет на двадцать раньше, он попал бы испытателем в какое-нибудь конструкторское бюро. Где полностью удовлетворил бы свою страсть. Но шло иное время: подходили к середине мутные восьмидесятые.

Советский союз, словно здоровое с виду, но насквозь прогнившее дерево, медленно готовился к распаду. И конструкторским бюро было не до новых испытателей. Самолетостроение агонизировало, умирая вместе с огромной бестолковой страной.

На Грейфера никто не обратил внимания, и он продолжал бессмысленную службу в авиаполку музейных машин. Бессмысленную потому, что то была лишь игра в военную авиацию: устаревший сверх всякого предела, древний бомбардировщик принципиально не годился для боевых действий. И мог рассматриваться лишь как дорогая игрушка.

Там, в полку ненастоящих бомбардировщиков, Грейфер пережил крутой взлет и молниеносный конец своей карьеры военного летчика.

4

Это произошло в восемьдесят пятом, когда началась анархическая «перестройка», и никому не было дела ни до чего, включая Вооруженные Силы.

Но авиаполк продолжал службу. В которую входили учения, во время коих самолеты летали бомбить настоящими бомбами фанерные танки и брезентовые здания на специальном полигоне.

Продолжалась глупая, опасная и весьма дорогая игра для взрослых мальчиков; очевидно было, что в реальности эти бомбардировщики уже никогда не пойдут в налет. Но служба требовала распорядка, а Грейфер еще мало задумывался о ее смысле.

Несмотря на то, что к нему приехала жена, окончив свой институт, и почти сразу забеременела – и он вроде бы должен был проникнуться сознанием грядущего отцовства и пересмотреть свой взгляд ни жизнь и на себя в ней... Но этого не произошло; видимо, семья и дети никогда не шли в его системе ценностей наравне с профессией, и он продолжал летать, истового выполняя все задания.

И вот тогда, во время очередной бомбежки игрушечных целей, произошло то событие.

Грейфер, командир бомбардировщика под номером 27, к тому времени старший лейтенант, шел в составе звена.

Все было отработано до мелочей, размечено по карте, привычно и неинтересно. Но когда, пройдя последний отрезок прямой, Грейфер отключил автопилот и взялся за штурвал, чтоб повернуть машину на боевой курс, вдруг обнаружилось, что самолет потерял управление.

Отказали сразу две группы рулей: руль высоты и элероны – рули крена.

Этого не могло произойти никогда, поскольку «Ил-28», в отличие от истребителя, снабженного двухходовой ручкой, имел нормальную штурвальную колонку. Отклонение вперед-назад действовало на руль высоты, а поворот штурвала вызывал крен. Причем управление было принципиально различным: руль высоты перемещался тросами, а элероны – жесткими тягами. Невозможность одновременного отказа гарантировалась конструкцией.

Но колонка заклинилась вместе со штурвалом. Самолет стало невозможно ни накренить, ни отклонить по высоте. Действовали только педали руля направления.

Попытавшись сдернуть с места умершие рули и не сумев этого сделать, Грейфер бросил штурвал; он понял, что пока не все так плохо: управление застыло в нейтральном положении. То есть самолет мог лететь ровно.

На случай потери управления – одну из возможных нештатных ситуаций – существовали четкие инструкции. Включив внутреннюю связь, Грейфер спокойным голосом – сам он почему-то не испугался – оповестил членов экипажа: сидящего впереди штурмана и спрятавшегося под килем хвостового стрелка:

– Ребята, у нас ЧП. Мы остались без крена и тангажа. Приказываю. Экипажу немедленно покинуть самолет. Первым прыгает хвостовой стрелок. Как понял меня, Николай?

Хвостовая кабина «Ил-28» не имела катапульты; в аварийной ситуации оставалось раздирать люк под ногами и вниз головой кинуться в воздушный поток. Поэтому спасение стрелка являлось первостепенной задачей командира.

– Понял, товарищ старший лейтенант! – раздался в наушниках голос стрелка. – Прыгаю.

Грейфер ощутил, как самолет вздрогнул от открывшегося впротивоход люка. А через несколько секунд, выглянув назад, он увидел внизу белое пятно парашюта.

– Штурман, твоя очередь, – сказал он.

– Вас понял. Катапультируюсь, командир... А ты как?

– Я следом, – жестко сказал Грейфер. – Повторяю приказ: немедленно катапультироваться.

– Есть, – коротко ответил штурман.

Грейфер успел заметить, как откинулся и улетел вбок фонарь штурманской кабины. На мгновение в огненном плеске мелькнуло катапультное кресло и тут же исчезло высоко позади.

А он остался.

Один на один с неуправляемым самолетом.

Который, похоже, пока еще не знал о своей неуправляемости и продолжал спокойно лететь вперед со скоростью семьсот семьдесят километров в час на высоте шесть тысяч метров. Ее требовалось уменьшить, поскольку из-за отстрела штурманского фонаря произошла разгерметизация носовой кабины и Грейфер уже ощущал легкое, но неприятное покалывание в ушах.

Теперь все зависело от него.

– Я двадцать седьмой, – стараясь не выдавать подступившего волнения, сказал он по радио. – Курс пятнадцать, высота шесть, скорость семьсот семьдесят. Отказали руль высоты и элероны. Экипаж покинул самолет.

– Ах ты, мать твою... Ну, давай тоже прыгай, – отозвался командир звена, летевший в нескольких километрах впереди.

– Нет, – ответил Грейфер. – Я вернусь на аэродром и посажу самолет.

Он сказал это так уверенно, словно успел все обдумать.

И даже знал, как это сделать.

– Ты спятил?! Прыгай! – повторил ведущий.

– Не могу, товарищ капитан. У меня бомбовая нагрузка, а внизу населенная местность.

– Какая, к такой-то матери, населенная местность?! – заорал вклинившийся командир эскадрильи с наземного КП. – Ты над лесотундрой, там никого нет. Прыгай, я приказываю!

– «Ромашка», «Ромашка», прием. Вас не слышу, – невозмутимо ответил Грейфер. – Я сброшу бомбы на подходах к полигону и вернусь на аэродром.

– Двадцать седьмой, не дури! – снова закричал комэск. – Куда ты вернешься без управления?!!

– У меня действует руль поворота и нормально работают оба двигателя. В этих условиях я не могу бросить самолет.

Он и сам не знал, почему не может бросить свой самолет – старую рухлядь, не имеющую никакой ценности. Он словно хотел доказать... Кому доказать? скорее всего самому себе... Доказать, что он Летчик и способен справиться с машиной.

– Валерий, что ты сможешь сделать с одним рулем поворота! Приказываю: прыгай! – нарушая правила радиопереговоров, прямо приказал комэск.

– Не понял вашего приказа, товарищ майор, – отозвался Грейфер. – Связь теряется. Не могу прыгать, пока подо мной населенная местность.

– Грейфер, сукин ты сын, я тебя разжалую! Спишу в аэродромную команду!!! Ты у меня не штурвал, а лопату получишь! Будешь снег с рулежек разгрести! Прыгай немедленно, пока с этим долбаным самолетом еще чего-нибудь не случилось!!

– «Ромашка», вас не слышу... «Ромашка», вас не слышу, – бубнил Грейфер. – Не слышу вас, прием...

Он страшно рисковал. Не жизнью – гораздо более серьезным: воинским званием, карьерой и судьбой. Но он не мог оставить на произвол судьбы самолет с заклинившимися рулями, которые наверняка можно починить. И он знал командира эскадрильи – тот тоже был настоящим летчиком. И в подобной ситуации Грейфер ожидал понимания.

– Ах ты, немчура упрямая, чтоб тебя разорвало... – одобрительно заревел командир. – Что с тобой сделаешь... Приказываю: действовать по обстановке!

– «Ромашка», слышу вас хорошо... Понял, товарищ майор! А прыгнуть я всегда успею.

– До шестисот метров, не забывай! Смотри, Валерка – если с тобой что-нибудь случится – я тебя лично убью! Своими руками голову оторву – понял?!

– Слушаюсь! – сказал Грейфер. – Иду по прямой курсом пятнадцать!

Через сто километров сбрасываю бомбы, ложусь на обратный курс и возвращаюсь. Прощу коридор и эшелон.

– Освободим, – ответил командир. – Давай, сынок... Если так уверен.

И через несколько секунд в наушниках раздался голос наземного диспетчера:

– Внимание всем! После выполнения задания оставаться на месте до дальнейших указаний.

«Остаться на месте» означало кружить над точкой, пока он, Грейфер, не вернется на аэродром и освободит дорогу остальным. В него верили.

И он верил в себя.

Принимая решение спасти самолет, Грейфер абсолютно не думал о своей жене, год назад приехавшей сюда с институтским дипломом, уже беременной и ждущей его на земле. Он давно – практически с рождения – был готовым летчиком. Но еще не созрел как мужчина, обязанный понимать, что никакие ситуации, кроме войны и прямой угрозы, не должны позволять нормальному человеку рисковать своей жизнью, забыв о близких.

Выдержав пятнадцать минут – преодолевая нарастающую боль в ушах, которые, казалось, готовы были лопнуть, распираемые изнутри – он посмотрел вниз. Убедившись, что внизу действительно простерлась ужасающая в своей неприглядности лесотундра, Грейфер освободился от бомбового груза.

Нестерпимо сияло солнце, слепя отражениями в снегу, бросая блики на плоскости и остекление фонаря.

И только теперь, когда неисправный самолет был действительно готов к посадке, он трезво оценил авантюру, в которую сам себя ввергнул.

Чтобы взлетать, совершать маневры и садиться, самолет должен управляться по трем осям. Две из них стали недоступными. Конечно, отказ руля высоты был для летчика большой неприятностью, но еще не полной катастрофой: оставалась возможность заставить машину спускаться или подниматься, меняя подъемную силу за счет тяги двигателей. Чего хватало для медленного снижения с дальнего расстояния и захода на посадку по прямой.

Но для захода именно по прямой, Грейферу предстояло сменить курс. То есть развернуться.

Руль поворота действовал, педали не умерли. Но... Правильное авиационное название этой рулевой плоскости звучало как «*руль направления*». Именно направления, а не поворота. Сам термин означал, что с его помощью можно лишь поддерживать направление полета: устранять небольшое рыскание по курсу. И еще он использовался при глубоком вираже, чтобы не дать самолету опустить нос – но тогда плоскости менялись местами и руль направления регулировал высоту.

Но повернуть самолет, как автомобиль, действуя одним рулем, было в принципе невозможно: поворот являлся сложной эволюцией, требовавшей взаимодействия нескольких рулевых плоскостей. При нажатии на педали самолет, конечно, начинал поворачивать. Но очень медленно и сразу кренясь: аэродинамика аппарата тяжелее воздуха не допускала «*автомобильный*» или даже «*морской*» поворот. Конечно, имелась возможность слегка довернуть машину по курсу, а потом, дав педалям обратный ход, выровнять ее по прямой. Но и это продолжалось до определенного предела. Стоило слишком долго подержать руль поворота в отклоненном положении, как самолет соскальзывал на крыло – смещался вбок, продолжая лететь уже прямо, но все сильнее кренясь. Для выравнивания требовались элероны.

А они были неподвижны.

Оставшись один, Грейфер еще раз попробовал покачать колонку. Очень осторожно и не прилагая чрезмерных усилий: интуицией авиатора, рожденного не просто истребителем или бомбардировщиком, а именно летчиком-испытателем, он сознавал, что если привод заклинило где-то в фюзеляже, то ему удастся лишь чуть сдвинуть рули. Которые останутся застопоренными, но уже не в нейтральном положении – и самолет пойдет по одному Богу ведомой траектории, и не останется ничего, кроме прыжка.

Штурвальная колонка не ожила.

Хотя могла ожить ни с того, ни с сего – это Грейфер понимал опять-таки испытательской интуицией.

А раз так, то про штурвал следует забыть, будто его не существует.

Самолет продолжал лететь по прямой.

«Картинка» – как именовали летчики сочетание показаний приборов, сигнальных лампочек и стрелочных индикаторов на панели – оставалась нормальной; все системы работали исправно.

Кроме рулей.

В принципе совершить посадку можно было очень просто: снижаясь по прямой, опустить самолет прямо тут.

На грунт.

Но с одной стороны, подернутая снегом лесотундра таила угрозу: в любом месте могло оказаться болото, где самолет утонет прежде, чем Грейфер успеет выбраться из кабины. А с другой, даже в случае удачной посадки, ремонт и доставка машины обратно на аэродром окажется сложной задачей. Придется гнать сюда вездеход с бригадой. Возможно, бомбардировщик придется разбирать и увозить частями. Поскольку остается вероятность, что рядом не окажется площадки, пригодной для разбега.

Следовательно, оставался единственный вариант, о котором он заявил командиру: разворачиваться сразу на аэродром. Чего бы то ни стоило.

– Я двадцать седьмой, – сообщил он по радио. – Бомбы сбросил. Возвращаюсь домой. Готовьтесь к встрече.

Онемевших ушей Грейфер уже практически не чувствовал и не обращал на них внимания. Он не мог снизиться до нормального давления прежде, чем каким-то образом лечь на нужный курс. Потому что запас высоты означал остаток жизни.

Штатный маршрут полета был рассчитан по кольцу: разнеся в щепки кучку деревянных танков, бомбардировщики летели обратно, совершив еще три левых разворота. Рули у Грейфера заклинило на отрезке, предшествующем выходу на боевой курс. И для выхода на полосу ему требовалось развернуться всего на шестьдесят три градуса влево. Но...

Не имея большого налёта, но обладая чутьем, Грейфер догадывался, что в природе не существует двух абсолютно одинаковых самолетов, даже если они сошли с конвейера и имеют соседние порядковые номера. Каждая машина обладает специфическими особенностями, которые, укладываясь в нормативы допусков, не влияют на управляемость в нормальных условиях. Во внештатной же ситуации нужно учитывать все.

И про свой «двадцать седьмой» Грейфер знал, что самолет не любит левого разворота, предпочитая правый. Он даже думал именно так: «не любит». Точно речь шла о живом существе с характером, а не о старом самолете, который из-за геометрической деформации планера – то есть крыльев, фюзеляжа и рулевых плоскостей – имел особенности в управлении. Впрочем, самолет всегда представлялся ему живым существом – при ином взгляде, по мнению Грейфера, вообще не стоило соваться в авиацию.

Так или иначе, говоря техническим языком, его «Ил-28» при левом развороте сильнее уходил в самопроизвольный – то есть не заданный летчиком – крен, нежели при правом.

Поэтому сейчас было разумнее выбирать нужный курс правым разворотом. Хотя в таком случае требовалось довернуть на двести девяносто семь градусов – совершить почти полный круг.

Но интуиция требовала поступать именно так.

– Я двадцать седьмой, начинаю разворот вправо на курс триста двенадцать. Высота шесть тысяч.

– Двадцать седьмой, какого лешего вправо?! – отозвался диспетчер с земли. – Тебе влево короче!

– На земле объясню, – кратко ответил Грейфер. – Я принял решение. По выходе на курс сообщу. Тогда освобождайте эшелон.

«По выходе на курс»... Он сказал об этом так легко, точно мог совершить разворот обычным путем: штурвал вправо и одновременно колонку на себя, не забыв парировать опускание носа... После чего в нужный момент вернуться в нейтраль и чуть-чуть подправить педалями. Меньше минуты.

Но сейчас...

Сейчас разворот требовал ювелирной работы, не допускающей чрезмерного крена. Грейфер снизил обороты правого двигателя и слегка прибавил левому, перенаправляя вектор тяги. Это казалось непривычным и просто неестественным: разворачивать самолет, действуя только ногами и левой рукой, лежащей на секторах газа. В то время, как штурвальная колонка торчала, словно лишний предмет.

Жутко болел череп – боль из ушей заполнила все существо. Но снижаться еще не пришло время.

Страшно ревел воздух, образуя завихрения в дыре, образовавшейся на месте выброшенного штурманского фонаря.

Грейфер разворачивал бомбардировщик медленно и осторожно, то и дело перекладывая руль поворота обратно, чтобы не позволить крена. Потом снова давал правой педалью, прибавлял газ левому двигателю – и так продолжалось бесконечно.

В кабине «Ил-28» было не то чтобы слишком холодно, но далеко не тепло. Однако Грейфер чувствовал, как по спине струится пот – будто он совершал тяжелую физическую работу.

Несколько раз ему казалось: все, самолет накренится так, что его не выровнять, и сейчас начнется скольжение на крыло. Но всякий раз он предугадывал опасный момент и прекращал доворот секундой раньше.

Да, испытателем он был бы отличным...

Ему и самому не поверилось, когда указатель курса коснулся нужной отметки. До аэродрома оставалось около двухсот километров.

– Я двадцать седьмой, на курсе триста двенадцать, – сообщил он. – Буду заходить по прямой с обратного направления. Не забудьте освободить подходы.

– Понято, «двадцать седьмой». Подходы чисты. Ну ты молодец, старший лейтенант, мать твою...

– Рано еще, – ответил Грейфер.

В общем он был прав. Разворот совершался на большой высоте, когда он в принципе мог катапультироваться. Сейчас предстояло снижение. И после критической отметки он станет заложником самолета.

Трудность заключалась теперь в отсутствии руля высоты. Медленное снижение за счет убавления газа не представляло проблем. Но при этом невозможным оказывалось выдерживать скорость и высоту одновременно в нужных пределах.

Он мог снизиться раньше времени и воткнуться в землю на подходах. Или наоборот, перелететь через полосу и упасть уже за аэродромом.

К тому же, имелась еще одна проблема. Как бы полого ни снижался самолет по глиссаде – посадочной траектории – в последний момент всегда требовалось поднять нос. Чтобы на скапотировать. То есть не удариться передней частью о землю.

Грейфер знал, что выпуск закрылков, резко увеличивающих подъемную силу, на любой скорости заставлял самолет прыгнуть вверх. Он попробовал это сейчас. Все получилось. На секунды нос приподнялся. Что давало шанс.

Правда, закрылки всегда выпускались задолго до посадки: без них не хватало подъемной силы на малой скорости, и самолет просто сыпался вниз. Но если действовать по правилам, Грейфер оставался без возможности избежать капотирования. И он решил садиться «с чистым крылом», то есть выпустив механизацию в последний момент.

Грейфер попробовал снизить скорость до предела: сейчас все равно требовалось спуститься. И понял, что без закрылков на двухстах пятидесяти километрах в час самолет начинает проваливаться. И что самое неприятное – уходить в левый крен, который любил независимо от летчика.

Это было очень плохо, поскольку посадочная скорость «Ил-28» составляла сто девяносто километров в час, и при большей могло произойти что угодно. От сломавшихся стоек шасси до подскока с переворачиванием. Или лучшего из худших вариантов: нехватки полосы для пробега.

Но у Грейфера не существовало иных шансов. Оставалось положиться... нет, не на судьбу, а на убежденность в своих силах.

Медленно приближался он к аэродрому. Падала скорость, высота уменьшалась. Уши наконец перестало разрывать, и он чувствовал себя почти хорошо.

Грейфер загодя выпустил шасси, чтобы не забыть про него в последний момент; согласно случаям из чужой летной практики такое не исключалось. И еще он знал: в случае отказа одной из самолетных систем не исключены неполадки любой другой.

Шасси вышло исправно, это радовало.

– Двадцать седьмой, ты в зоне привода, – раздался наконец голос аэродромного диспетчера. – Только идешь выше глиссады и скорость велика. Снизь хотя бы до двухсот.

– Не могу... – Грейфер скрипнул зубами, чувствуя, как пот заливает глаза. – Не выпускаю механизацию, потому что иначе не смогу осуществить правильное касание. Извини, служба, если перепашу аэродром!

– Ладно, извиняю. Тут все готово. Пожарные и все прочее. Только давай без них обойдемся.

– Обойдемся, – ответил он.

Изо всех сил храня уверенность, что действительно все обойдется.

К аэродрому он подошел надвухстах семидесяти. При таком условии бомбардировщику предстояло врезаться в землю за дальней границей. Он убавил обороты двигателей.

Самолет затрясся и начал самопроизвольно валиться в левый крен. До земли оставалось метров сто. Грейфер поддал газу, машина выровнялась, но стрелка указателя скорости опять поползла вправо. Время ожидания истекло. Грейфер двинул до упора ручку выпуска закрылков.

Произошло все точно, как он заранее рассчитал. Механизация погасила скорость, но подъемная сила крыла увеличилась и самолет нехотя поднял нос.

Колючая проволока зоны отчуждения неслась навстречу, до нее оставалось не больше километра.

Сосчитав до десяти, Грейфер полностью убрал газ.

Самолет снижался, все еще не опуская нос, как положено при нормальной посадке. Но Грейфер смотрел на скорость и понимал, что она чрезмерна, и по-нормальному все-таки ничего не выйдет.

Двести шестьдесят, двести пятьдесят пять, двести сорок пять...

Потеряв опору, самолет начал сыпаться.

Еще чуть-чуть, – думал Грейфер, глядя не на полный ноль альтиметра, а на стремительно приближающуюся полосу.

Двести сорок, – успел зафиксировать он в последний момент.

И тут же основные шасси с грохотом коснулись земли. Самолет отскочил, как резиновый мячик, поднялся в воздух, и ударился еще раз, теперь только носовой стойкой. Шасси выдержало, но Грейфера снизу вверх пробило раскаленным прутком – внезапная боль мелькнула сквозь позвоночник, и он на долю секунды потерял сознание.

Мимо летели аэродромные строения, а самолет все подпрыгивал и подпрыгивал, не желая опускаться на землю. Наконец, ощутив полное касание, Грейфер нажал тормоз. Юзом, со свистом преодолевая остаток полосы, машина неслась вперед. Но на земле она управлялась уже, как автомобиль. Грейфер взял педалями влево, чтобы не снести предупредительные огни, и пошел пахать снежную целину.

Увязая в сугробах, бомбардировщик начал замедляться, и было похоже, что он все-таки рано или поздно остановится. Границ аэродрома не хватило: порвав колючую проволоку и опрокинув несколько опор, самолет вырвался за его пределы. Прополз по кочкам и ухабам еще метров двести и наконец встал.

Как ни в чем ни бывало.

Грейфер даже не стал пытаться вырулить обратно. У него не осталось сил. Он заглушил двигателя, откинул крышку своего фонаря и высунулся наружу, подставил лицо холодному зимнему ветру.

Как бы то ни сошлось, это была победа.

Не победа человека над самолетом.

Так мог бы сказать простой выпускник авиационного училища летчиков.

Но не врожденный пилот Валерий Грейфер, не разделяющий себя с машиной даже в такой ситуации.

Победа человека и самолета над общей бедой...

Он закрыл глаза, посекудно вспоминая происшедшее.

А к нему уже мчались машины. Поднимая вихри развороченного снега, летели вездеходы.

Летчики, комэск, командир полка. Они что-то кричали, перебивая друг друга.

– Грейфер, сук-кин ты сын, мать твою в херувимские протопопы!!!! – размахивая кулачками, орал здоровенный, как Григорий Иванович Котовский, украинец комэск Обжелян. – Все-таки сделал по-своему, чтоб тебе пусто было! Подь сюда, я тебе сейчас всыплю перца!!!!

Ему не дали спрыгнуть с крыла – подхватили на руки, понесли, принялись качать.

Грейфер отбивался – ему это было непривычно; он не ожидал ничего особенного за профессиональную работу.

Но его, словно настоящего героя, подбросили в воздух.

И боль в спине пронзила его с такой чудовищной силой, что он полностью потерял сознание.

5

К своему великому стыду, очнулся он в госпитале.

Попытался вскочить с невероятно жесткой койки, но что— то чужое стягивало его, мешая двигаться.

На тумбочке остро пахли мандарины.

Потом пришел врач.

Немногословно объяснил, что от удара при посадке он получил травму позвоночника. К счастью, перелома не произошло, но какое-то время он должен лежать в тугой повязке.

Это не входило в его планы. Но делать было нечего.

Грейфера навещали сослуживцы.

Штурман и хвостовой стрелок, другие летчики, комэск. Однажды заглянул даже сам командир полка, хотя госпиталь находился в сотне километров от расположения части.

Приходила жена. Глядела укоризненно, поглаживая свой большой круглый живот. Брала его руку и прикладывала к себе, чтобы он почувствовал, как шевелится их будущий ребенок. Грейфер равнодушно ощущал какие-то толчки. Они его нисколько не волновали. Он отвечал односложно, еле поддерживая вялый разговор. Женившись без страсти и прожив три года в одиночестве, он так и не привык к жене.

И вообще, несмотря на быстротекущее для прочих людей время, внутри него что-то застопорилось. И сам он все еще находился там.

Лежа на спине – переворачиваться ему пока запретили! – Грейфер десятки раз прокручивал детали полета. И приходил к выводу, что все сделал правильно, обойдясь минимумом последствий.

К аналогичному выводу пришла комиссия по разбору авиационного происшествия. «*Двадцать седьмой*» отремонтировали – заменили изношенный в хлам и оттого намертво заклинившийся узел внутри фюзеляжа – и он снова вступил в строй. Правда, летать на нем стал другой летчик: Грейфер оставался в госпитале.

Починка самолета заняла куда меньше времени, чем лечение его, человека.

К чести командира полка – от которого все и зависело – мастерство и мужество Грейфера были оценены невероятно высоко.

По крайней мере, так считал он сам.

Его наградили настоящим боевым орденом Красной Звезды и присвоили внеочередное звание майора, перескочив через полагавшегося через пару лет капитана.

Это был просто невероятный карьерный взлет.

Но так сложилась судьба, что взлет этот остался точкой на бумаге.

После лечения и очень тщательного обследования медицинская комиссия вынесла вердикт: последствия травмы позвоночника необратимы. А в боевой авиации, даже бомбардировочной, неизбежны перегрузки. Поэтому свежеиспеченный майор Грейфер к дальнейшей службе не годен.

Вручив орден и погоны с двумя просветами, его списали из ВВС.

Навсегда.

6

Вернувшись из госпиталя, Грейфер несколько дней молча лежал на кровати в их семейной комнате офицерского общежития.

Его наконец начали посещать сомнения: а правильно ли он сделал, спасая старый самолет – который все равно не сегодня-завтра подлежал списанию?

Наверное, разумнее было следовать инструкции: выключить двигатели и катапультироваться; и черт с ним с этим бомбардировщиком. Тем более, что служба в выморочном полку даже самому Грейферу в отдельные моменты уже казалась несерьезной.

Он спасал старый «Ил», поставив на карту свою карьеру.

И выиграв, проиграл. Окончательно и бесповоротно.

Его непрерывно пилила Таисия. Упрекала в наплевательском отношении к собственному здоровью из-за железки, каковой в ее понимании являлся любой самолет. И в том, что перестав быть военным летчиком, он станет получать гораздо меньше денег. Причем исключительно благодаря собственной дурости и мальчишескому упрямству. И так далее, с вариациями на неизменную тему.

Грейфер слушал и вяло отмахивался. Его самого сжигала досада, суть которой лежала вне понимания жены: прослужив всего четыре года, он вынужден был расстаться с мечтой.

Но... он знал, что по-человечески не мог поступить иначе: самолет и он всегда составляли единое целое. И до сих пор в целом казалось предательством жертвовать машиной, спасая себя.

Ему предлагали остаться в полку на разных административных должностях. Причем сразу на достаточно высоких. Грейфер отказался. Он никогда не стремился стать наземным командиром. Его влекла не власть, а штурвал. Он должен был летать. Перекладывать бумажки мог и кто-то другой.

Тем более, что приговор врачей все-таки не был безнадежным: ему запретили летать при сильных перегрузках. Оставалась военно-транспортная авиация – которой он пренебрег перед училищем – где нагрузки практически не отличались от пассажирских самолетов.

И вскоре он получил направление в военно-транспортную часть, базировавшуюся в центральной России.

Турбовинтовые транспортные самолеты «Ан-12», которыми она была укомплектована, представляли собой по сути такое же старье, как и его прежний «Ил-28». Однако даже в конце восьмидесятых они активно использовались, исполняя далеко не учебные, а вполне серьезные задания.

7

Жена Таисия, конечно же, оказалась права – как абсолютно все женщины в подобных ситуациях: на новой должности Грейфер стал получать меньше, несмотря на майорское звание.

И на «*Ан-двенадцатом*» он стал даже не командиром, а вторым пилотом: отсутствовал необходимый налёт.

Зарплата Грейфера мало волновала: он все еще мальчишески жил одной лишь профессией. Его не унижала даже необходимость подчиняться младшему по званию: командиром экипажа, куда его определили, был капитан.

Капитан Сюрин, неплохой летчик, но напряженный и вспыльчивый человек, настороженно отнесся к майору в своем подчинении. Опасаясь каких-то подвохов, насмешек и тайного неповиновения.

Но Грейфер вел себя спокойно; Сюрин быстро остыл и проникся к своему второму пилоту симпатией. И после нескольких месяцев службы, оценив мастерство своего напарника, во всеуслышание обещал приложить максимум усилий, чтобы майор как можно скорее получил должность командира.

Сам Сюрин был личностью не очень понятной. Грейфер не любил сплетен и не лез командиру в душу, но даже до него дошли слухи, что капитан – настоящий боевой летчик. Он воевал в Афганистане на летающем гробу «*Су-25*» – маловысотном штурмовике без гермокабины, идеальной мишени для самонаводящихся «*стингеров*», опережавших уровень развития советской авиационной техники на целое поколение – имеет большое количество боевых вылетов и награды. Там дослужился до майора и командовал эскадрильей, но потом был понижен в звании по какой-то дисциплинарной причине, после чего отправлен в ВТА. В качестве наказания, поскольку штрафных эскадрилий после Отечественной войны уже не существовало... Сюрин то ли набил морду старшему по званию, то ли просто отказался выполнять предпраздничный приказ, не желая вести своих летчиков на смерть ради рапорта.

Так или иначе, но когда в день Советской армии летчики пришли на торжественное собрание в парадной форме, Грейфер увидел на груди своего командира, помимо «*Красной Звезды*», два «*Боевых Красных Знамени*» и даже медаль «*За отвагу*» – что лучше другого говорило о судьбе капитана. Ведь при всеобщей раздаче орденов, охватившей в то смутное время Советский Союз, пилоты не дружили со штабными писарями и ордена получали не за просто так...

Нужно было признаться, что по уровню человеческих отношений военно-транспортная часть не шла в сравнение с прежним полком бомбардировщиков. Капитан Сюрин, сдерживая слово, написал во все инстанции неисчислимое количество рапортов о том, что второй пилот летает лучше командира и заслуживает высокой должности – но все они гасли в высших сферах, где уже шел лихорадочный раздел имущества, и до какого-то майора Грейфера никому не было дел.

И он так и летал вторым пилотом все три года, что служил на «*Ан-12*».

До самого тысяча девятьсот восемьдесят восьмого, когда произошло событие, окончательно выбросившее его из военной авиации.

8

То было странное и неповторимое время. Советский союз уже разваливался в прах, но внешне все еще оставалось прежним: постановления ЦК КПСС, праздничные демонстрации и даже бессмысленная бойня в Афганистане.

Однажды их экипаж подняли ночью по тревоге и, не объясняя цели, выдали полетное задание предельной дальности. За четыре тысячи километров – в город на границе одной из южных республик. Причем пустыми, без груза.

В полете Грейфер и Сюрин не делились догадками, поскольку помнили о бортовом магнитофоне, пишущем на ленту все разговоры экипажа, и не искали лишних проблем. Однако чувствовалось, что назначенный пункт является промежуточной точкой истинной операции. В тесноте пилотской кабины не витала тень Афганистана: ни в одно другое место не могли отправить случайный самолет черт знает откуда.

После посадки им приказали зарулить на отдаленную стоянку и не высовываться даже в форточки. Когда борт принял груз – средних размеров ящик без маркировки, тщательно обшитый брезентом – в сопровождении целых двух полковников с эмблемами госбезопасности, сомнений не осталось.

Груз, вероятно, имел столь чрезвычайную ценность, что его не поместили в грузовой отсек, а затащили в гермокабину, предназначенную для сопровождающих.

– Что в ящике? – как ни в чем ни бывало, поинтересовался Сюрин у одного из полковников.

Который зашел в пилотскую и внимательно изучал приборы с таким видом, будто что-то в них понимал.

– Вас это не касается, капитан, – ледяным тоном процедил тот.

– То есть как не касается? – удивился летчик, сохраняя относительное спокойствие. – Я командир корабля и должен знать, что везу.

– Повторяю, капитан – сказал полковник уже с раздражением в голосе. – Вас это не-ка-са-ет-ся!

– Ошибка-аетесь, товарищ полковник. А вдруг там взрывчатка? Или ядерный фугас? Или еще что-то, способное сдетонировать в момент посадки? Я не о себе пекусь, – он осклабился. – Но если самолет взорвется, то от вас, товарищ полковник одни пуговицы останутся.

Кэгэбэшник молчал, и капитан добавил с наслаждением:

– Ну, и эти еще... Эмблемы. «Щит и меч».

Судя по всему, Сюрин очень сильно не любил КГБ. Впрочем, службу госбезопасности не мог любить ни один нормальный человек.

– Гарантирую, капитан, что в грузе нет ни взрывчатки, ни ядерного фугаса, ни чего-то иного, могущего вызвать детонацию от удара, – терпеливо ответил полковник.

На этом инцидент вроде бы исчерпался.

Путь действительно предстоял в Афганистан, но конечная цель не была открыта даже командиру: Сюрину выдали полетную карту с маршрутом и конечной точкой. Карта была слепой, то есть кроме координат и отметок высот на ней ничего не имелось. Капитан вспылал, но поймал на себе тяжелый взгляд полковника, и осекся, скрипнув зубами.

Лететь было недалеко, меньше тысячи километров, и даже при небольшой скорости «Ан-двенадцатого» им хватило бы часа полтора,

Но выдвигалось довольно странное условие: полет должен проходить на высоте десять тысяч метров.

Для старого «Ан-12» то был предельно допустимый максимум.

Это привело Грейфера в удивление: он знал, что у душманов нет ни истребителей, ни настоящей зенитной артиллерии – и капитан Сюрин тоже хмыкнул.

Тут же последовало еще более жесткое указание, вероятно, продиктованное особенностями груза: в кабине должна быть установлена пониженная высота.

Авиационный термин «*высота в кабине*» означал степень наддува воздуха внутри герметической части самолета, измеряемую – отчасти для удобства, отчасти по традиции – не в миллиметрах ртутного столба, а в условной мере, соответствующей давлению на определенной высоте над уровнем моря. Поддержание околосреднего значения привело бы к утяжелению чрезмерно прочной конструкции, поэтому воздух в самолетах всегда разрежен, но давление его находится в допустимых для жизнедеятельности пределах. На «*Ан-12*» рабочее значение высоты в кабине составляло три тысячи пятисот метров. Это означало, что воздух в самолете должен иметь такую же плотность, как на вершине горы в три с половиной километра.

Особисты потребовали поддерживать высоту не выше двух с половиной тысяч метров. Это означало предельно усиленный наддув и чрезмерную нагрузку на гермоотсек из-за разницы давлений внутри и снаружи.

Приказав установить такой режим, полковник сказал, что техническое требование согласовано со специалистами.

Грейфер понял, что на борту командует не экипаж.

И Сюрин, похоже, тоже.

Разбежавшись, практически пустой «*Ан-12*» легко оторвался от полосы и быстро пошел набирать высоту.

Но почему для выполнения ответственного задания особисты выбрали нашу старую телегу? – размышлял Грейфер, удерживая колонку в положении «*на себя*». – Почему не послали современный «*Ил-76*»? Или хотя бы бомбардировщик вроде «*Ту-22*»? Куда тоже легко запихнуть небольшой ящик?

Это казалось более разумным. Однако КГБ действовало вне логики. Вероятно, такой подход был основой их тактики.

Летчики заняли нужный эшелон, включили автопилот, и вскоре штурман сообщил, что самолет пересек границу СССР и летит над территорией сопредельного государства.

Все шло по плану, только высота, на которой полз самолет, казалась ужасающей: «*Ан-12*» редко поднимался выше шести тысяч. Далеко внизу проплывали безжизненные рельефы Афганистана. Редкие массивы облаков, скопившиеся около горных вершин, напоминали лесотундру под крыльями прежнего «*Ил-28*».

Системы работали исправно, «*картинка*» на приборной доске не вызвала тревог. Но Грейфер оглядывался в боковое окно, и видел – точнее угадывал – невидимые круги лопастей и физически ощущал, на каких предельных режимах работают двигатели, задыхающиеся от нехватки кислорода; с какой остервенелой натугой крутят они громадные пропеллеры, которым не за что зацепиться в полупустом воздухе – и как мучительно ищут опору крылья, не ощущая привычного давления...

Грейфер не понял, что произошло. Только что он сидел, положив руки на колени – поскольку штурвалом двигал автопилот – и с тревожным ожиданием чего-то недоброго глядел в бесконечность надвигающегося неба. И вдруг оказалось, что он уже не сидит, а свисает в боковой проход, едва не падая к штурману в нижний носовой блистер, а капитан Сюрин трясет его за плечи, крича:

– ...Валерий! Валерий!! Что с тобой... Очнись!

Грейфер с трудом выпрямился. Тело казалось чужим. И страшно, до ломоты во всех частях, кружилась голова. Вдруг он заметил нечто красное на своей зеленой форменной рубашке. Машинально ощупав череп, увидел, что руки в крови. Она, кажется, текла из носа и из ушей.

- Что... случилось... командир? – стараясь говорить твердо, спросил он.
- Разгерметизация, – коротко ответил Сюрин. – Мать-перемать и из матери ее в мать...
- Нас... что... подбили?
- Кто нахрен подобьет на такой высоте. И вообще это все иначе бывает, меня тут сбивали... Иллюминатор лопнул, сука. Ясно было, добром не кончится, идти на десятке без высоты в кабине. Но этих дерьмецов разве переспоришь...
- Как машина вообще?
- В порядке.
- Что... со мной было?
- Ты потерял сознание.
- А экипаж?
- Все в норме. Ты как?
- Я тоже в норме, – соврал Грейфер, хотя головокружение не проходило, к нему прибавилась тошнота. – Что делаем, командир?
- Падаем до четырех, и плевать я хотел на их указания. Ниже нельзя – это предел для «стингера».
- Есть, – четко ответил Грейфер и, отерев о рубашку кровь, плотно взялся за свой штурвал.
- Убавить тягу двигателей до сорока процентов, – скомандовал капитан бортмеханику. – Экипаж, приступаем к снижению.
- Моторы сбавили тон и сделались почти неслышными за воем ветра, обдувавшего нос. Сюрин щелкнул тумблером автопилота и отдал колонку от себя. Самолет начал пикировать. Его старый металл закрипел и завизжал, словно проснувшись в негодование.
- За спинами летчиков раскрылась дверь и в пилотскую кабину вошел полковник. В кислородной маске с индивидуальным баллоном.
- У этих мерзавцев для себя все предусмотрено, – с ненавистью подумал Грейфер. – А на нас наплевать.
- Экипаж самолета масок не имел, поскольку разгерметизация на большой высоте считалась теоретически маловероятной, как одновременный отказ всех четырех двигателей.
- Однако он ошибся. В руках особиста блеснул еще один баллон. Не обращая внимания ни на кого, полковник сделал два шага в раскачивающейся тесноте кабины и склонился к креслу Сюрина.
- Капитан! – сказал он, и слова прозвучали невероятно отчетливо, хотя лица не было видно. – Немедленно надеть кислородную маску, прекратить снижение и занять прежний эшелон!
- На самолете я командир, – огрызнулся Сюрин. – Моя машина разгерметизирована, экипаж пострадал, и я принял решение снизиться до безопасной высоты.
- Решения принимаю я, – отрезал полковник. – Повторяю приказ: немедленно надеть маску и возобновить условия полета.
- В своем грёбаном КГБ команду до усрачки! Будь хоть генерал, хоть трижды маршал, но здесь ты мне никто, а хрен в кожаном пальто! За маску спасибо, отдай ее второму пилоту, у него кровотечение от декомпрессии. А я сам знаю, что надо делать!
- Капитан, приказываю подчиниться. Вы срываете ход операции, – гэбист говорил спокойно, но в свободной от баллона руке вдруг возник пистолет.
- При виде оружия пальцы Грейфера сами собой потянулись к личной кобуре, но тут же отдернулись. Потому что он вспомнил об оставшихся в Союзе жене и двухлетней дочери Ирине.

А капитан Сюрин взбеленился: похоже тут, над пустынями вражеского государства, он снова чувствовал себя на войне, где стирались штабные различия и было плевать на все, если того требовали обстоятельства.

– Ты? Тыловая гнида?! Мне?! Боевому летчику?!! Пистолетом смеешь угрожать?!!!

– Плюнь на него, Серега, – попытался успокоить его Грейфер. – Ты же знаешь, эти сволочи без оружия только евреев гонять могут!

Полковник проглотил и сволочей и евреев, продолжал нависать над командиром.

– Ах ты паскуда энкэвэдэшная, смерш вонючий! – орал Сюрин, бросая тяжелый транспортный самолет в такое пике, которое с трудом бы выдержал даже его прежний штурмовик «Су-25». – Да я тебя гаденыша сейчас за борт вышвырну – и полетишь со своих десяти тысяч, как фанера над Парижем! Мать твою так, и растак, и распрэтак, с загибом матки вдоль и поперек и наискось...

И вдруг сквозь ругань капитана, свист воздуха и предсмертный скрип не приспособленного для пилотажа «Ан-двенадцатого» Грейфер различил звук, заставивший его похолодеть.

Равнодушный щелчок взводимого курка.

С внезапной, ледяющей ясностью, от которой перестала кружиться голова, Грейфер осознал, что происходящее – не игра. И через секунду может случиться непоправимое. Для истинного гэбиста люди – мусор. И этот полковник со стеклянными глазами сейчас совершенно спокойно застрелит капитана Сюрин, всучит маску Грейферу, и все равно заставит выполнить приказ. Правда, его уже вряд ли застрелит, поскольку иначе некому будет вести самолет...

– Стоять, полковник!!! – брызгая кровью, ужасно закричал он.

И перегнувшись через проход, схватил капитана за плечо:

– Серега! Сюрин!!! Капитан, грёбана-рот!!!! Опомнись! Ты не на войне, ты у стенки! Да, они скоты, но мы в неравных позициях и ничего не можем с ними сделать! Вспомни о жене и о сыне! Ты должен вернуться в Союз! За штурвалом, а не в цинковом гробу с дыркой в затылке! Плевать нам на эту срань, бериевского недобитка, давай разберемся. Ты командир корабля, но я старший по званию и я тебе – не конь в пальто! И я, майор Грейфер, приказываю вам, капитан Сюрин: немедленно подчиниться полковнику!

Сюрин осоловело вращал налитыми кровью глазами. Потом вдруг опомнился и принял кислородную маску из рук гэбиста. Перевел двигатели на полный газ и взял штурвал на себя. Старый самолет, которому вероятно, понравилось предсмертное падение, не хотел выходить из пике. Обливаясь кровью, Грейфер изо всех сил тянул свою колонку, чтобы помочь командиру и спасти его непутевую жизнь. Наконец они выровнялись и Сюрин снова включил автопилот. Сердито тряся концами крыльев, «Ан-12» полез обратно в гору.

– Благодарю за понимание ситуации, майор, – с холодной насмешкой процедил полковник и, убрав пистолет, скрылся за дверью.

– *Geh Du nach scheissen, Du Schweinehund!* – неожиданно для себя пробормотал Грейфер.

Точного перевода он не помнил; знал лишь, что это очень грязное ругательство. Подслушанное им в глубоком детстве: такими словами, тайком от благовоспитанной семьи, заведующий агросектором отдела сельского хозяйства Целиноградского Совнархоза Отто Грейфер аттестовал несознательных казахов. Которых, тысячелетиями ведущих свободную жизнь кочевников, мудрый Никита Сергеевич Хрущев одним постановлением ЦК КПСС хотел превратить в оседлых земледельцев. Но которые не желали ими становиться и проявляли наплевательское равнодушие к посевам, всходам, урожаем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.